

Вознюк А.В. Онтологические основания толерантности в контексте теории критических явлений // Толерантність як соціогуманітарна проблема сучасності : Міжнародна науково-теоретична конференція, 1-2 жовтня 2015 року : [матеріали доповідей та виступів] / редкол. П.Ю Саух [та ін.] Житомир: Вид. Євенок О.О., 2015. – С. 15-20.

Александр Вознюк (Житомир, Украина)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КРИТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Толерантность как важнейший феномен космосоциоприродной реальности в специфическом виде отражает важнейший философский *принцип единства мира* (который в марксистской философии начала XX века преломлялся в *четвертом законе диалектики – всеобщей связи явлений*), реализующий системоформирующий механизм кристаллизации Вселенной. Именно поэтому толерантность находит отражение в различных формах общественного сознания и выступает междисциплинарной категорией, получившей многообразное преломление в работах многих выдающихся мыслителей прошлого и настоящего. Так, толерантность можно связать с симпатией – космической, человеческой, интеллектуальной, магической (А. Бергсон, А. Смит, Д. Юм), с эффективным самоконтролем (Л. Вовенарг); со стремлением к умеренности (Ф. В. Вейс); состраданию (Ж. – Ж. Руссо, А. Шопенгауэр), с универсальным принципом сохранения жизни и Вселенной в целом (К. Ясперс), с ноосферной организацией нашей планеты (В. Вернадский), со всеобщим человеческим долгом (И. Кант); сохранением мудрой меры равновесия (И. В. Гете); с общественным инстинктом (Ч. Дарвин), с идеей всеобщего равновесия (Г. Спенсер); с возможностью контроля над чужой жизнью (марксизм); с религиозным энтузиазмом (У. Джеймс); с социальной педагогикой (В. Эйхлер); с отношением претерпевающего к своему выбору (С. Кьеркигор); с внутренней регуляцией отношения человека к другому (Ж.-П. Сартр); с феноменом молчания (Т. Карлейль); с актом преодоления человеком своего молчания (А. Камю); с компромиссом субъекта с действительностью для достижения своих потребностей и желаний (Х. Плеснер); с интенциональным переживанием (Э. Гуссерль); с рефлексией чужого опыта (В. Франкл); с сосуществованием различных языковых форм (Л. Витгенштейн) и др. [8, с. 2-3].

Теория синтеза знаний, которую мы разрабатываем [2– 7], оперирует такими тремя фундаментальными категориями (триада форм материи, которые, в свою очередь, определяют фундаментальные основания актуализации реальности), как: *движение* – универсальная (синергетическая, триадная, диалектическая, волновая) парадигма развития; *пространство* – универсальная модель (структура, система) реальности; *время* – теория критических состояний, которая конституирует процесс перехода из одного состояния в другое.

Рассмотрим толерантность как выражение онтологического принципа тотального единства всего и вся во Вселенной в контексте *теории критических явлений*.

Поскольку движение присуще всему и вся во Вселенной, то универсальные особенности движения обнаруживают закономерности существования открытых нелинейных систем, какими являются все системы во Вселенной, в то время как их линейно-замкнутый характер реализуется лишь в теоретическом приближении. И если движение и тесно с ним связанное развитие выступают фундаментальным свойством Вселенной, ее системоформирующим фактором, то фазовые, критические явления – неотъемлемый атрибут любого развития, фиксирующего критические пороговые состояния любой развивающейся системы.

На общенаучном и философском уровне критические явления фиксируются в виде *парадоксальных пороговых граничных явлений*, считающихся самым загадочным объектом научного исследования, поскольку в критической точке изменения системы в результате развития старой системы уже нет, а новой – еще.

В философии граница как парадоксальная сущность отражается в понятии «эволюционной середины», или «переходной ступеньки» от одного качества к другому, в сфере которой старого качества уже нет, а нового – еще нет. Ее Аристотель, Гегель и иные философы называли «средним термином» по отношению к понятиям, которые фиксируют изначальное и завершающее качественное состояние объекта, развитие которого анализируется. В философской литературе отношение таких «полупротивоположностей» называют *контрмедиальным*, в отличие от контрарного отношения, отражающего «полную» полярную симметричную противоположность предметов и явлений (например, движение и покой, тьма и свет, субъект и объект), и в отличие от контрадикторного отношения (темное – нетемное, то есть, не несветлое; субъект и не-субъект). Попытку анализа этой контрмедиальной, равновесной, межкачественной ступени процесса развития мы находим в гегелевской *диалектике*. Гегель рассматривал состояние индифференции, равновесия противоположностей как ключевое условие, «пусковой» момент перехода бытия в сущность. Это состояние Гегель определяет как «форма бесформенного», а современные философы – как экзистенцию, или «бытием-между» (*inter-esse*).

Парадоксальность границы как некоего принципа, реализующего целостность и непрерывность развития и движения как такового (в силу того, что граница выражает некую нулевую, нейтральную, парадоксальную реальность на континууме смены состояний развивающегося предмета, где старого состояния уже нет, а нового еще нет, а поэтому соединяет прошлое с будущим), подтверждается так называемым *парадоксом развития* (возникновения, или телеологическим парадоксом), заключающийся в том, что если нечто новое возникает из старого, то оно уже должно содержаться в нем в потенциально-возможном, виртуальном состоянии и, поэтому, не является «радикально» новым в полном смысле этого слова, ибо в этом случае стирается различие между новым и старым: если новое возникло из старого, то оно, следовательно, было заключено в нем в потенциально-возможном, виртуальном состоянии и не является принципиально новым.

«Нулевая», нейтральная сущность границы как критического состояния и принципа, конституирующего развитие, обнаруживается везде. Приведем пример. Существует наблюдение: в конденсаторе наибольшее количество тока протекает в моменты его включения и выключения. Кроме того, человек лучше всего запоминает из предъявляемого массива информации начало и конец. Таким образом, память актуализируется на границах разделов процессов. И в целом, жизнь как феномен динамический актуализируется именно в моменты перехода одного в другое. Данный феномен можно с полным правом назвать акме-феноменом, о котором С. Л. Рубинштейн писал следующее: «Человек включен в бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие. Этом процесс – непрерывная серия цепных взрывных реакций. Каждая данность – наличное бытие – взрывается очередным действием, порождающим новую данность нового наличного бытия, которое взрывается следующим действием человека. Значит, в человеке, включенном в ситуацию, есть что-то такое, что его выводит за пределы ситуации, в которую он включен... Становление есть нахождение в ситуации, затем выход за пределы этой ситуации в сознании и действии» [9, с. 341].

Человеческий организм в процессе жизнедеятельности, сменяя один режим функционирования на другой в пределах того или иного органа или системы, а также в рамках всего организма, изменяясь волнообразным, ритмичным образом, необходимо проходит критическое состояние – нейтральную точку, нулевое состояние «всеобщего функционального знаменателя», одинаково близкое по своим функциональным особенностям (сущность которого – нейтральность) абсолютно всем системам и элементам организма, а поэтому выступающее в качестве «всеобщего координатора» и «управителя» (обнаруживая явление акмесинергетической целостности), в качестве «кнопки управления» человеческого организма, ибо придает ему свойство целостности и устойчивости, актуализируя качество, которое делает организм живой сущностью, способной реагировать на окружающую среду целостно-интегральным образом.

Целостно-интегральное реагирование организма доказывается реакцией организма на стресс. Как показал Г. Селье, любое специфическое стрессорное воздействие на организм вызывает у него единую реакцию, которую можно определить как «симптомы болезни вообще». То есть в критическом состоянии, обнаруживаемом посредством стресса, организм

предстает как целостная система, единство которой реализуется за счет гипотетического нейтрального состояния, являющегося «срединной» точкой саморазворачивания любого волнового явления (солитона), в котором (точке) эта волна претерпевает коренную функциональную перестройку (как показывает биоритмология в течение суток организмы проходят фазы – точки бифуркации, в которых они коренным образом функционально изменяются). Данная точка равноудалена по отношению ко всем «участкам» волны, ибо по отношению к нулю все числовые выражения являются одинаково неопределенными. Нуль как выразитель критического состояния при этом выражает критическую (покойную) фазу развития, в которой совершаются все преобразования, все виды преобразований и трансформаций.

Категория границы как нейтральной (целостности) сущности может по-разному интерпретироваться как в виде некоего «допричинного» сигнулярного состояния материи, породившего мир, так и в виде *математического нуля*. «Как граница между положительными и отрицательными величинами, как единственно действительно нейтральное число... он не только представляет собой весьма определенное число, но и по своей природе важнее всех других, ограничиваемых им чисел. Действительно, нуль богаче содержанием, чем всякое иное число. Прибавленный в любому числу справа, он в нашей системе счисления удешевляет данное число. Нуль уничтожает всякое другое число, на которое его умножают; если его сделать делителем или делимым по отношению к любому другому числу, то это число превращается в первом случае в бесконечно большое, а во втором – в бесконечно малое; нуль есть единственное число, находящееся в бесконечном отношении к любому другому числу. Дробь 0/0 может выражать любое число между минус бесконечностью и плюс бесконечностью и представляет в каждом случае некую действительную величину. Итак, где бы мы не встречались с нулем, он повсюду представляет нечто весьма определенное, и его практическое применение в геометрии, механике и т.д. доказывает, что в качестве границы он важнее, чем все действительные, ограничиваемые им величины» (Ф. Энгельс).

В психике человека критические состояния имеют место в так называемых измененных состояниях сознания, в фазовых явлениях психики, динамика которых весьма сходна с динамикой фазовых состояний, обнаруживающихся в развивающихся физических объектах.

В литературном процессе критические состояния реализуются в рекурсионных процессах актуализации литературных явлений, в педагогике – в «методі взрива», разработанном А. С. Макаренком, который обнаружил явление «взрывного» перепрофилирования психических состояний своих воспитанников в момент специфического педагогического воздействия.

В целом можно говорить о специальном парадоксальном эффекте границы, который наблюдается во многих формах социального поведения, когда, как показывают этологи, лесная поляна, берег моря, межа вспаханного поля и вообще любая особенность на однообразной местности привлекает живых существ, когда жизнь роится главным образом на границе раздела трех сред – океана, суши и атмосферы. Тут можно говорить о феномене *социального маргинализма* как состояния индивидов, которые находятся на границе двух конфликтующих жизненных укладов. Маргинализм при этом может пониматься не только как социальный, но и научный феномен, – как источник движения к новому. Граница, выступающая нейтральным, центральным моментом любого отношения, отражается в структуре логического суждения. Дело в том, что структура логического силлогизма универсальна и проистекает из структуры древнегреческого мифа. В данной структуре (субъект – *связка* – предикат) *связка* как *граница* между двумя логическими терминами имеет решающее значение и является логической и языковой универсалией, а возникновение логики как науки зависит от той роли, которую играет данная *связка*.

Эффект границы проявляется и в том, что «человеческие гены воспроизводят себя не в некоей общей аморфной массе населения страны, региона, континента или мира в целом, а именно в этнических границах это приводит к формированию генетического своеобразия этносов и различий между их гедофондами». Как показал Л. Гумилев в книге «*Этногенез и биосфера земли*», оси пассионарных толчков, подобно «жизненному порыву» А. Бергсона, дают импульс развитию тех или иных глобальных социальных процессов. Эти оси проходят через стыки ландшафтов и, как следствие, через сообщества людей, которые занимаются различными видами хозяйственной деятельности.

О роли границы мы можем узнать и из факта про так называемые «третичные зоны мозга» А. Лурии (зоны ассоциативного перекрытия), где вторичные зоны, реализующие специфические функции, пересекаются и где утрачивается модальная специфичность. Именно третичные зоны обеспечивают ощущение более высокого порядка. Феномен границы мы находим и в следующем факте: «максимум делящихся клеток приходится на предрассветные часы, когда ночь сменяется световым периодом». Интересно, что период от трех до пяти утра многими эзотерическими источниками полагается моментом «Х», когда космос и человек «соприкасаются».

Колдуны древности, как отмечал К. Кастанеда, называли время захода и восхода Солнца «щелью между двумя мирами». Психологам известно, что в состоянии перехода между сном и бодрствованием наличествует парадоксальная фаза, являющаяся искомой целью духовных практик: «Грань между сном и бодрствованием условна; то и другое сочетая в духе, ты в *третье состояние* обязан себя ввести» (В. Сидоров).

В психологии переходные фазы в процессе роста организмов называются критическими, бифуркационными, сензитивными, импринтинговыми, играющими решающую роль в выборе направления органогенеза и в формировании психических функций и состояний.

В концепциях решения проблемы, принятия решения граница может пониматься как «логический вакуум» – неотъемлемый атрибут всякого познания, которое, развиваясь скачкообразно, время от времени обнаруживает «логические вакуумы», заполняющиеся логической мыслью после процесса озарения. В экзистенциализме «граничной ситуации» между жизнью и смертью (соотносящейся с такими культурологическими феноменами, как инициация, посвящение, крещение и т. д.) придается решающее значение в процессе прозрения человеком своей сущности.

Можно предположить, что наш мир перманентно пребывает в критическом состоянии (серии критических состояний), а его некритические стационарные состояния обнаруживаются (моделируются) лишь на теоретическом уровне.

Поскольку наш мир «погружен» в критические состояния, в которых происходит его изменения как на микро-, так и макроуровнях, то изучение и моделирование критических состояний может считаться основной задачей современного научного исследования, направленного на выявление закономерностей актуализации критических состояний, присутствующих в любом движении (в том числе и в развитии человека) в качестве его основополагающего атрибута.

На языке теории катастроф критическое состояние системы обнаруживается в момент распада, разрушения системы, которая как гомеостатическая сущность, согласно принципу Ле Шателье, способна достаточно долго сохранять устойчивое («некритическое») состояние за счет внутренних гомеостатических ресурсов, пока последние не будут исчерпаны, – и тогда начинается распад системы, ее вход в критическую фазу своего развития, который приобретает лавинообразный характер, а поводом для такого процесса может послужить самый ничтожный фактор [1].

На языке синергетики, распад системы, ее разрушение сопровождается ее входом в динамическое (критическое) состояние хаоса (точки бифуркации, состояния деирерхизации), где прошлой системы уже нет, а будущей – еще нет. Именно в этом критическом динамическом состоянии «детерминированного хаоса», где стирается грань между актуальным и потенциальным, частью и целым, простым и сложным, система (а точнее – псевдосистема) «выбирает» путь (аттрактор) своей дальнейшей эволюции и кристаллизуется как «новая» система. Процесс и механизм этой кристаллизации чрезвычайно трудно интерпретировать на теоретическом уровне, поскольку здесь имеет место появление новой системы с новыми системными (эмерджентными) свойствами, появившимися как будто бы ниоткуда [10].

Важным является то, что в критическом состоянии динамического хаоса система предстает как единое целое (что фиксируется принципом несиловой корреляции квантовых систем, а также *парадоксом Эйнштейна-Подольского-Розена*), все части которого обнаруживают пребывание в «поле» несиловой синхронической корреляции (ср. с принципом синхронности К. Юнга, П. Девиса), а сама система в этом критическом состоянии имеет тенденцию отдавать предпочтение реагированию на сверхслабые (информационные) воздействия (сигналы) внешней среды.

Єдинство системи, перебуваючої в критическому стані, ілюструється таким спостереженням. Як пишуть І. Пригожин і І. Стенгерс в книзі *«Порядок из хаоса»*, в разі нелінійних хімічних реакцій з'являються дальнодіючі кореляції. Частинки, знаходячись на макроскопічних відстанях одні від одних, перестають бути незалежними. «Отзвуки» місцевих подій разносяться по всій системі. Інтересно відзначити, що такі дальнодіючі кореляції з'являються в самій точці переходу від рівнесного стану до нерівнесного. При цьому в рівнесному стані молекули ведуть себе незалежно: кожна з них ігнорує інші. Такі незалежні частинки можна було б назвати гіпнонами («сомнамбулами»). Кожна з них може бути скільки завгодно складною, але при цьому «не замечать» присутствия інших молекул. Перехід до нерівнесного стану пробуджує гіпноны і встановлює когерентність, абсолютно чуждую їх поведінку в рівнесних умовах.

В синергетиці визнається, що саме хаос (критическое состояние) виступає в якості «клею», який зв'язує частини в єдине ціле. Загальне «координаційне поле» хаосу як сутності принципово множинної повинно бути «обезпечено» певним «нейтральним елементом» як загальним координаційним початком всього і вся. З іншої сторони, можна утверждати, що даний нейтральний елемент присутствує в хаосі як щось потенціально-можливе, віртуальне, косвенне, імплікативне (подразумеваемое), як фактор цілостності, який експериментально відкрит квантовою фізикою. Крім того, з точки зору синергетики все різноманітність різних структур можна звести до єдиного початку, до середовища, в якому в потенціально-непроявленій, віртуальній формі вже містяться всі можливі для даного середовища структури.

Таким чином, на рівні онтології толерантність реалізується в фундаментальному феномені Всесенної – критических станіях, а завдання сучасної науки складає в тому, щоб навчитися моделювати і керувати критическими станіями за допомогою генерації специфіческих цих критических станіях суперслабких сигналів. Людина, його свідомість як керуючий фактор в даному разі перетворюється в сотворця Всесенної, направляючого її розвиток в певне русло і отримуючого при цьому статус активно-створючого початку світу, знаходящего відображення в таких категоріях, як «ноосфера», «антропний принцип Всесенної», «Наблюдатель» – з одноіменного парадоксу квантової фізики, згідно з яким людина як спостерігач може одним своїм присутствием ініціювати («створити») всесенніє.

Література

1. Арнольд В. І. Теорія катастроф / В. І. Арнольд. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
2. Вознюк О. В. Концепція цілостності як основа філософського синтезу знань: монографія / О. В. Вознюк – Житомир: Рута-Волинь, 2005. – 388 с.
3. Вознюк А. В. Педагогическая синергетика: монографія / А. В. Вознюк. – Житомир: Изд-во ЖГУ ім. І. Франко, 2012. – 812 с.
4. Вознюк О. В. Педагогічна синергетика: генеза, теорія і практика: монографія / О. В. Вознюк. – Житомир: Вид-во ЖДУ імені Івана Франка, 2012. – 708 с.
5. Вознюк А. В. Интегральная концепция соматического и духовного здоровья личности: монографія / под ред. А. А. Дубасенюк / А. В. Вознюк. – Житомир: Изд-во ЖГУ ім. І. Франко, 2013. – 716 с.
6. Вознюк О. В. Розвиток особистості педагога в умовах цивілізаційних змін: теорія і практика: монографія / О. В. Вознюк. – Житомир: Вид-во ЖДУ імені Івана Франка, 2013. – 614 с.
7. Вознюк О. В. Нова парадигма моделювання та розвитку історико-педагогічного процесу: монографія / О. В. Вознюк. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2014 – 550 с.
8. Золотухин В. М. Толерантність як проблема філософської антропології // Автореф... дис. докт. філософ. наук. – 09.00.13 – релігієзнавство, філософська антропология і філософія культури. – Екатеринбург, 2006. – 44 с.
9. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 427 с.
10. Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М.: Мир. – 1985. – 411 с.